

Лайош Мештерхази — видный публицист, прозаик, драматург, лауреат премии Кошута и премии имени Аттилы Йожефа. Известны его романы «Именем человека», посвященные событиям, связанным с освобождением Венгрии Советской Армией, «До границы два шага» — о героизме коммунистов-политзаключенных в годы хортистского режима, трилогия «Свидетельство». Мештерхази известен и как драматург. В 1958 году Театр Народной армии в Будапеште поставил его драму «Люди из Будапешта». Эта пьеса поставлена Театром имени Станиславского под названием «Семеро против Фив». Одна из лучших пьес драматурга, «Одиннадцатая заповедь», также издавалась на русском языке.

«СВОБОДА!». Вздыхают
«Сверх кулаки, все говорят друг другу «ты». Да, мы были сказочно богаты, безудержно молоды и веселы, несмотря на множество неотложных забот.

Как-то у меня мелькнула мысль: если записать все, что я делал в один-единственный день, поверил бы я этому позже? Ранним утром на вокзале вспыхнул пожар, мчимся тушить! Не преступников ли это дело? — и вот мы обсуждаем происшествие в полиции. Потом совещание партийного руководства, потом собрание национального комитета. Типографии нужен уголь — мы добиваемся его. На собрании жильцов двадцать седьмого блока обсуждаем вопрос о зараженной воде. Среди развалин обнаружен аптечный склад — охрану, живо! Не то его мигом растащат. Переговоры с военным командованием, чтобы дали несколько бочек бензина — мы снесли на Вермезе четыре тысячи лошадиных трупов, необходимо сжечь их. И сотни мелких личных дел: один просит документ на проход по военному мосту, другой — разрешение на торговлю книгами; кто-то сочинил ораторию в честь Советской Армии-освободительницы и просит большой оркестр, солистов, хор из трехсот голосов и, если можно, немного

муки и картофеля...

Каким длинным бывал один день, боже мой! Даже не верю собственным воспоминаниям. Мы были могущественны и богаты — все было наше! Нет королевства, нет немцев, нет нилашистов! Нет прежних учреждений! Жильцы выбирали уполномоченного от дома, те в свою очередь — уполномоченного от блока, мы создали партийные группы и народный комитет.

К нам приходят два художника: один — график из типографии, другой — учитель рисования.

— Мы организуем художников Буды! Мы нашли дом, пойдёмте, поглядите!

И вот мы шагаем к бульвару Кристины! Перед нами двухэтажный дворец в стиле ампира. Снаружи он кажется почти непострадавшим, внутри, разумеется, есть несколько попаданий. Крыши нет, окон нет, оконных рам тоже, но это естественно.

— Это архитектурный памятник конца XVIII — начала XIX века, ровесник дворца Шандора, — объясняет учитель рисования. — Идемте!

Опережая нас, он поспешно взбегает по лестнице, идет через лишенные дверей, полные ветра залы, показывает:

— Здесь выставочные залы,

здесь клубные комнаты, студии!

Теперь загорается наш врач Густы:

— И здесь можно было бы устраивать концерты, слышишь? Я организую оркестр! — и уже сыплет именами: такой-то живет в Буде, этот тоже. — Можно устраивать концерты каждую неделю. Деньги — в фонд народной столовой.

— Стены сплошь увешаем новейшими картинами для продажи тоже с благотворительной целью. Что нужно художнику? Холст, краски, крыша над головой и кусок хлеба...

Тут и Жужа утешается после ее развеявшейся дымом мечты о коммуне.

— Здесь будет культурный центр района! Да, будет культура! Сразу все пойдет по-иному!

Непонятым образом, едва мы оказываемся на улице, как нас со всех сторон начинают осаживать предложениями:

— Мы слышали, выступит Илона Надьковичи!

— Мы слышали, во дворе устроят открытую сцену и будут театральные представления.

Электричества нет, радио нет, во всей Буде действует едва десяток телефонов, но служба рас-

пространения слухов работает безупречно. Возле церкви нас догоняет женщина, называет себя.

— У меня был собственный кинотеатр. Сохранились две киноустановки, все объективы целы, звукоусилители в упаковке, все. Можно бы показывать фильмы. По крайней мере я буду знать, что аппаратура в надежных руках.

Л. МЕШТЕРХАЗИ

С В О Б О Д А

В помещении комитета партии группа уполномоченных блоков уже обсуждает программу будущего клуба.

Я вхожу в свою комнату: сквозь осколок стекла в окне на письменный стол проникает тоненький солнечный лучик.

— Я хотел бы повидать господина секретаря... — доносится чей-то голос.

— Господина секретаря следует называть «товарищ». Приветствовать словом «Свобода!» — вежливо, но решительно вразумляет прошедшего Слатина.

На посетителя, однако, это не производит желаемого воздействия, ибо, войдя, он здоровается и осведомляется:

— Господин секретарь?..

Затем, строго следуя правилам официального этикета, отвешивает поклон, называет себя и даже

сообщает свое звание: начальник управления министерства, на пенсии. Это худощавый старик с военной выправкой, у него выцветшие голубые глаза с красными прожилками и коротко остриженные седоватые волосы. Сам я стою, ему предлагаю сесть.

— Прощу извинить, я осмелился потому... Этот дом, что вы осматривали, принадлежит мне.

— А! Отлично. Значит, мы сразу можем обсудить детали.

— Прощу вас понять: это мой собственный дом. В настоящий момент моя жена и я живем внизу, в квартире привратника.

— Не беспокойтесь! Мы все приведем в порядок. Дом будет отремонтирован в порядке общественной работы. Мы будем устраивать там концерты и вечера декламации. У нас даже есть киноустановка! Представьте себе, наконец-то в нашем районе будет... А во дворе — открытая сцена!

— Да поймите же наконец! Это мой собственный дом!

Лишь сейчас я начинаю догадываться, в чем дело, но все еще не верю.

— Это значит... Быть, может, вам не нравится идея? Уж не знает ли это, что вы не хотите от-

дать дом?

— Не хочу! Это мой собственный дом. И если понадобится, я обращусь...

— Куда?!

Он молчит. Словно его чем-то огрели по голове. Глаза бегают по потолку.

— Позвольте... это, это... — И он выходит, сильно хлопнув дверью.

Что делать? Ладно, разберется потом народный комитет... Я быстро успокаиваюсь и опять беру за дело. Но не проходит и часа, как в дверях появляется Густы, на ходу вытирая носовым платком руки.

— Дело в том, что меня туда вызвали... к больному, вернее... — он встряхивает головой, — к мертвому.

— То есть?

— К тому, что только что был у тебя.

— Что случилось?

— Кровоизлияние в мозг. Жена говорит: он вернулся домой, не успев вымолвить и слова, как ему сделалось дурно.

Входит Жужа, она уже обо всем знает и полна жалости.

— У него есть коллекция. Жаль. Он мог бы быть хорошим смотрителем...

Но мы не можем предаваться длительным сожалениям, у нас нет для этого времени — вот и курьер из типографии. Готов малый ротатор, сейчас его пустят в ход — это же целое событие, праздник.

— Идемте же! Идемте в типографию!

Мы были тогда веселы, говорю вам, и молоды.